

ФИЛОСОФИЯ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ

Катастрофичность нашего времени, его кризисность и рубежность обязывают к рефлексии над судьбами мира и культуры, заставляют обратиться к опыту прошедших эпох. В этом отношении Серебряный век близок нам не только хронологической рубежностью (конец XIX – начало XX в.), чувством "кануна", но и остро вставшей в то время проблемой сохранения культуры.

Нас с этим периодом объединяет также очередной виток "цивилизаторства". Говоря о "чрезвычайно быстром процессе приобщения масс к цивилизации" в конце XIX в., Г. Федотов отмечал, что "процесс рационализации русского сознания... протекал сперва очень медленно, ускорялся в геометрической прогрессии, пока, наконец, в годы революции не обрушился настоящей лавиной и не похоронил всего, что сохранилось в душе от московского православного наследия"¹. И сегодня на подвергаемые испытанию и разрушению проявления духовности вновь обрушиваются "ценности", в которых преобладают индивидуализм и накопительство. Если даже согласиться с позитивным их значением, то следует учесть: потребуется долгое время, чтобы чуждые ценности стали "своими", вошли в культуру, сознание, традицию, быт. Да и что несет вживание в чужое при забвении своего богатейшего опыта, накопленного веками, осмысленного соборным сознанием, органичного, целостного, тем более, что чужеродный опыт по-другому срабатывает в иной культуре. Такое положение порождает потребность "вернуться к тому, на чем все оборвалось" (С. Хоружий), ко времени, которое рождало предощущение того, "...что Россия летит в бездну, что старая Россия кончается и должна возникнуть новая Россия, еще неизвестная"².

Серебряный век – один из самых трагических периодов в истории русской культуры. Точкой отсчета его можно считать бессмысленное и жестокое убийство царя-освободителя, Александра II. Сопряжен этот период с тяжелейшими событиями в русской истории: война с Японией, Первая мировая война, революции. Неудивительно, что эта эпоха была пронизана апокалиптическими настроениями и эсхатологическими ожиданиями, переполнена не только событиями-вехами, но и тревогами, пророчествами.

Серебряный век – это островок в океане утилитаризма и нигилизма. Начавшись в 80-е гг. с кризиса позитивизма и его неприятия, он в конечном итоге был поглощен новой волной материализма и прагматизма, пришедших с революцией. Рубежность этой эпохи – не только пограничье двух столетий, но и "рубежность сознания". Придя на смену позитивистской эпохе с ее рациональностью и идеологизированностью, обличительным пафосом, с культом безрадостного, с отрицанием ценности красоты, с пренебрежительноснисходительным отношением к народной культуре, Серебряный век провозглашает Абсолютное, Высшее, духовное, иррациональное и интуитивное, реабилитирует красоту и обращается к народной традиции.

Совпавший с "духовным и культурным ренессансом" (Н. Бердяев), этот век был периодом напряженной философской рефлексии над проблемами культуры. Философия Серебряного века – это прежде всего философия религиозная, христианская, рассматривавшая тайны бытия не столько критически и рационалистически, сколько мистически.

Мыслители на рубеже XIX–XX ст. в предчувствии социальной и духовной катастрофы считали необходимым напомнить о задачах культуры, о высокой ее миссии по преобразению человека и преодолению "тяжести этого мира", искали пути и средства освящения и преобразования самой культуры. Движимые, с одной стороны, чувством ответственности перед народом, с другой – желанием удержать равновесие в разрушавшемся мире, они стремились

подвести своеобразный итог всему лучшему, созданному прежними эпохами, напомнить о великих истоках и традициях. Мыслители видели миссию России во всеобщем примирении распадающегося мира, чему должны были способствовать всевосприимчивость, а отсюда и всепонимание русского национального характера (эта идея высказывалась Н. Федоровым, Вл. Соловьевым, Вяч. Ивановым, С. Франком вслед за А. Пушкиным, Н. Гоголем и др.), исключительная способность русских "вместить в себя идею всечеловеческого единения" (Ф. Достоевский).

В рассматриваемую эпоху, когда считалось, что Россия является вместилищем и оплотом мировой культуры, были популярны темы о связи русской культуры с традициями Эллады и Рима, что нашло отражение в теоретических работах Вяч. Иванова, И. Анненского, Ф. Зелинского, в творчестве поэтов-символистов и художников-миристов. Открытие Серебряным веком древнерусской иконы вызвало огромный интерес к культуре Византии, к изучению ее влияния на эстетическую традицию Древней Руси.

Мыслители осознали культуру Серебряного века как наследницу мировой культуры, видя ее корни в Древней Греции, Древнем Риме, Византии, Древней Руси, европейском Возрождении и, конечно же, в Золотом веке русской культуры. Культура Серебряного века искала пути гармонического единства и всеобщего примирения между Востоком и Западом, между прошлым и будущим, христианским и языческим, национальным и мировым, народным и аристократическим. В стремлении к всеобщей гармонии и примирению необходимо было определить приоритеты, на которые опиралась бы культура в движении к главной цели – своему освящению и преображению, от града земного к Граду Небесному. Приоритеты эти были выбраны удивительно верно: духовные, национальные, объединенные православной традицией, – как раз те, на которых веками держалась русская культура. Не противопоставляя русскую культуру европейской, напротив, подчеркивая коренную связь с ней в античности, мыслители Серебряного века призывали не забывать того, что было возвращено на национальной почве. В частности, Г. Федотов считал: "Единственный смысл существования нации – в ее творчестве: в открытой ею истине, в созданной красоте, в осуществленной или зреющей ею правде"³.

Творческий мир в своем стремлении сохранить и развить традиции национальной культуры обратился в эпоху Серебряного века к древнерусскому высокодуховному эстетическому сознанию, отличавшемуся обостренной нравственной ориентацией. Ставился вопрос о сохранении культурных традиций и ценностей, живого, а не мертвого (музейного) пребывания произведений искусства в пространстве культуры. И в этом направлении было сделано очень многое. Один из ярких примеров – открытие древнерусской иконы. Только этого было бы достаточно Серебряному веку, чтобы считаться состоявшимся, выполнившим великую миссию перед мировой культурой. Это был настоящий духовный подвиг, потребовавший не только огромного напряжения сил, но и подлинного "соборного делания" меценатов, искусствоведов, художников, иконников и большого числа подвижников, преданных великому делу. Именно культуре Серебряного века, напряженно искавшей духовность, раскрывается древнерусская икона, что, в свою очередь, способствовало одухотворению этой культуры, получившей подтверждение древности и благородства своих корней, своей самобытности. Открытие иконы убедительно доказало, что Древняя Русь не просто восприняла эллинистическую традицию, но и блистательно развила ее на своей национальной почве.

Православие было тем объединяющим началом, на котором строилось здание русской культуры, определялось ее развитие. Традиционно в России все рассматривалось сквозь призму религиозности: это находит свое подтверждение и в том, что даже революция была оценена религиозно (собст-

венно, революционная идея и была возможна в России прежде всего как религиозная – как очищение и в конечном итоге как наказание). Сама культура понималась религиозно – она должна была преодолеть себя на пути к Богу.

Эсхатологическая устремленность не была прерогативой только Серебряного века – она искони присуща природе русской души, православному мировосприятию. Эсхатологические ожидания – это ожидание Царства Божьего, преображения мира, причем православное сознание чаяло преображения соборного, преображения для всех и во всем. Эсхатологическая сторона христианства, по утверждению Н. Бердяева, была сильнее всего выражена именно в православии, которому было "свойственно отрицание величия и славы этого мира... Величие и слава мира остаются соблазном и грехом, а не высшей ценностью, как у западных людей"⁴. Объясняя причину неприятия православным сознанием земных благ, Н. Бердяев говорил: "Устраивают Землю и земную жизнь злые силы, отступившие от правды Христовой, добрые же силы ждут града Грядущего, Царства Божьего"⁵. Потому в традиции православной культуры устройство земной жизни не имело абсолютной ценности, не могло быть самоцелью; успокаиваться, довольствоваться земным считалось греховным. Поиск правды устремлял сознание за пределы этого мира, несовершенного и ложного, приспособленного к греховному. Если в западной культуре накопление возводилось в степень добродетели, то в русской – накопительство считалось грехом, а деньги и богатство ассоциировались со злом, вызывали чувство вины и потому требовали искупления. С чувством вины связана традиция меценатства, особенно широко развернувшегося в период "духовного ренессанса" (число построенных на пожертвования церквей, школ, больниц, библиотек, картинных галерей исчислялось сотнями). "Русская болезнь совести", "примат морального критерия" (Н. Бердяев) не позволяли успокаиваться на личном благополучии, обязывали сострадать, сопереживать, жалеть.

"Русская жажда всеобщего спасения" (Н. Бердяев), устремленность к преображению всего человечества и всего мира могли возникнуть только в культуре, где индивидуализм был неприемлемым, только соборность и соборное сознание могли воспитать подобное отношение к миру. "Запад, вместо любви, лежащей в основе соборности, проявил гордыню индивидуального разума... Напротив, восточная церковь осуществила начало соборности в любви. Только соборное тело церкви, живой организм ее сохраняет корни религиозной жизни и обладает целостной истиной, не ограниченной рационалистической абстрактностью западной философии"⁶.

Соборность – это свободное единение людей, основанное на христианской любви, верности духовным традициям, это гармоническое единение общего и индивидуального при сохранении самостоятельности последнего, не поглощение всеобщим личностного, а их сосуществование, взаимодополнение, взаимопомощь; это единство, основанное на свободе, а не на насилии. Соборное сознание зиждется на целостном мировосприятии, на интуитивном прозрении гармонии и единства бытия, которые могли дать только вера и духовный опыт. Идея соборности положена в основание русской культуры, она повлияла на развитие русской духовности, это категория прежде всего моральная, нравственная. "Если есть у нас что-нибудь особенное и поистине святое в преданиях народной мысли, то это именно – смирение, жажда духовного равенства, идея соборности сознания"⁷. Соборная идея, идея единства Бога, человека и природы, единства Истины, Добра и Красоты – краеугольный камень философии всеединства, которая разрабатывалась Серебряным веком.

Собор – храм, где все в любви, единстве и гармонии обращено к Высшему. Соборное сознание невозможно без любви к людям, миру, природе, Богу. Воспитываемое веками, оно нашло выражение в русской общине, в

русском мессианстве – идее всеобщего спасения, в чувстве ответственности за весь мир, за все земное. Соборное сознание, стремление сострадать, обо-стренное чувство добра, повышенная чуткость к красоте – все это неразде-лимые части единого целого, называемого "загадочной русской душой", рус-ской духовностью. Все это – плоды "духовного делания" русской культуры в ее напряженном поиске правды-истины. Духовность же не является нацио-нальной чертой, это результат усилий народа на его долгом пути к Богу.

Мыслители Серебряного века считали, что идея соборности наиболее о-щутимо проявляется именно в храме. Е. Трубецкой, разъясняя идею право-славного храма, отмечал, что храм – "это целый мир, не тот греховный, хао-тический и распавшийся на части мир, который мы наблюдаем, а мир, соб-ранный воедино благодатью, таинственно преображенный в соборное тело Христово"⁸. Цельный и гармоничный мир будущего, который должен стать тождественным Церкви, уже воплощен "во всем строении нашего храма и во всей иконописи". По мнению Е. Трубецкого, в Соборе будущего должны слиться воедино человечество, ангелы и "вся низшая тварь".

Православное сознание, напряженно искавшее правду и духовность, уст-ремленное к грядущему свету, преисполненное мессианского упования, ожи-дало конца "мира неправды и уродства" и начала "...мира правды и красоты. Когда Достоевский говорил, что красота спасет мир, он имел в виду преобра-жение мира, наступление Царства Божьего"⁹. Ипостась Красоты (в триедин-стве – Истина, Добро, Красота) в русской культуре имела особое значение: в православном миропонимании эта категория не только эстетическая, но пре-жде всего этическая, духовно-нравственная. Как воплощение божественного присутствия красота православного богослужения сыграла решающую роль в выборе веры в X в. послами Киевской Руси. Согласно философии Вл. Со-ловьева, красота является главным признаком воплощения всемирной идеи, основным показателем реальности "положительного всеединства". Красота нашла абсолютное выражение в соборе (в храме), в православном богослу-жении, церковном пении, иконе – в синтезе храмового действия. Служение красоте, воплощенное в чувстве нравственной ответственности за ее сохра-нение и пронесенное традицией православной духовной жизни, стало осла-бевать в период кризиса культуры, и мыслители Серебряного века вы-сказывали свою тревогу: "Исчезает чувство важной ответственности перед красотой и сознание вины перед уродством как некоем преступлении..."¹¹.

Ощущение трагичности эпохи было связано с осознанием кризиса куль-туры, с приходом на смену ей цивилизации – бездушной, механистичной, усугубляющей индивидуализм и эгоизм, уничтожающей соборное сознание, обесценивающей нравственные начала и соборный уклад жизни, основанный на человеколюбии. "Царство культуры... начинает разлагаться и кончается. Существует страшный суд над культурой..., изживание имманентных путей человеческого, и только человеческого. И обнаруживается переход к пути бо-го-человеческому или бого-звериному"¹². Наступил период, когда смысл су-ществования человека в служении самому себе достиг предела. Что будет за ним? Куда последует человечество – через преображение культуры к "бого-человеческому" или через удовлетворение и насыщение благами цивили-зации – к "бого-звериному"?

Веруя в спасительную силу религиозности и преображающую силу твор-чества, русская религиозная философия приняла оппозицию "культура – ци-вилизация", что, в частности, объединяло философов Н. Бердяева, П. Фло-ренского, Г. Федотова. "Совет Шпенглера – решительно отказаться от непо-сылной больше культуры ради легкой, дающейся в руки цивилизации – есть отступничество"¹³. Русские мыслители указывали на внутренние силы, кото-рые могут удержать культуру от разрушения: "Хотели верить, что Россия не пойдет путем цивилизации, что у нее будет свой путь, своя судьба, что в Рос-

сии только и возможна культура на религиозной основе, подлинная духовная культура"¹⁴.

В культуре Н. Бердяев видел "культуру духа", считал, что она всегда аристократична, священна, религиозна, бескорыстна, проявляется в духовности, в потребности преодоления, является свободным прорывом в истинное божественное бытие, она должна вывести человека к Царствию Божию. Выход этот – в творчестве, благодаря которому возможно "преодоление мира" и через которое человек может уподобиться Богу-творцу. Смысл человеческой жизни заключается именно в творчестве, через которое человек создает культуру и себя; в творчестве и со-творчестве преобразуется созданный человеком греховный мир. Н. Бердяев считал, что культура происходит из культа и неразрывно связана с верой; она духовна, символизирует подлинное бытие духа и, исполнив свою миссию, достигнув Царства Святого Духа, завершится в Нем. Говоря о правде культуры, Н. Бердяев указывал на "условную ложь цивилизации", на ее безбожность, утилитарность, "хамизм" и прагматизм, в то же время философ противопоставлял органичности культуры организованность цивилизации. И это действительно так: организация и контроль – прерогативы цивилизации, в которой философ видел смерть культуры, "смерть духа культур".

П. Флоренский, отстаивая идею христианизации культуры, утверждал, что природа ее религиозна и большинство культур осуществлялось "прорастанием зерна религии". Связывая культуру с культом, философ считал, что "культура есть упорядочение всего мира по категориям культа. Вера определяет культ, а культ – миропонимание, из которого далее следует культура"¹⁵. П. Флоренский также видел задачу человека в творчестве, в котором обнаруживается трансцендентный божественный мир. Объединившись в собор, люди должны соединить искусственно разделившиеся миры – небесный и земной, духовный и материальный. Это возможно только в Храме, где "все сплетается во всем", где "все подчинено единой цели... и поэтому все, соподчиненное тут друг другу, не существует или по крайней мере ложно существует взятое порознь"¹⁶.

Г. Федотов, принимая различие культуры и цивилизации, считал, что первая построена на началах философско-эстетических элементов, а вторая – научно-технических. Культуру он рассматривал как неотъемлемую часть религии: "Культура должна быть понята религиозно, иначе она будет растоптана сапогами демагога"¹⁷. Веру он считал источником культуры, которая понимается, с одной стороны, как призыв Бога к человеку, а с другой – как ответ человека на этот призыв. Культура мыслилась философом как дело человека, Богом вдохновленного на творчество.

Отождествляя Запад с разрушительной силой цивилизации, мыслители Серебряного века видели миссию России в сохранении культуры – и не только православной, но и всей европейской. "Культуру Европы придумали русские; на западе есть цивилизация; западной культуры в нашем смысле слова нет; такая культура в зачаточном виде есть только в России"¹⁷. Европа не пала, как Россия, от напора цивилизации, она плавно, гораздо менее болезненно вошла в цивилизацию благодаря не только ratio, но и тому, что в западной культуре преобладала форма, а русская культура – это в первую очередь культура духа и менее всего культура формы. Цивилизация же приемлет форму, не приемля духа.

Приход цивилизации для России оказался трагичным: воцарился самый страшный враг культуры – "тьма, мнящая себя просвещением, суеверие цивилизации, поднявшее руку на культуру"¹⁸. Русская культура, отказавшись от религиозной идеи или, быть может, предав ее, потерпела катастрофу, не смогла благополучно выйти из-под гнета цивилизации, так как утратила главное – свою силу и свою основу. Культура, которая должна была преодолеть

себя на пути к Богу, не удержавшись на этой высокой и трудной стезе, была поглощена цивилизацией.

Октябрьская революция, осмысленная в духе православного миропонимания как наказание за грехи, была не просто социальной катастрофой – она знаменовала собой приход ("дуновение") цивилизации, которая отменяла национальную традицию, народную память и заменяла все новым, универсальным, лишенным почвенного, национального, копившегося веками соборным сознанием, духовным опытом. Эта революция была лишь частью тотального переустройства, переосмысления мира, ломки мирового сознания.

Н. Данилевский в свое время назвал "европейничаньем" униженное стремление приспособиться к европейскому, сегодня это же болезненное состояние потери культурной памяти можно было бы назвать "американичаньем" – желанием забыть свое духовное наследие и вновь принять соблазн цивилизации (прежде всего цивилизации Нового Света). Нести груз ответственности за свою культуру всегда труднее поверхностного приобщения к "чужой" культуре, так как сохранение национальной традиции требует не только знания, понимания, "проживания" культурного наследия, но и напряжения духовных сил по его осмыслению, сохранению и передаче поколениям, требует той работы, которая называется "соборным духовным деланием". Сегодняшний культурный нигилизм, отказ от своего – традиционного, национального – в силу якобы его приниженности ("свое всегда хуже заморского") оправдывает лень духовную. И потому возникает почва для различных сект, чужеродных традиций.

Серебряный век с его полифонизмом тоже пытался принять все, но принять примиряя. Это был полифонизм, а не эклектика, так как все творчески осмысливалось и ложилось на культурную почву. Сегодняшняя эклектика – принятие всего без разбора, без духовного осмысления – ложится уже на новую варварскую, "цивилизованную" почву, почву культурного беспамятства – тем она и опасна. Возвращение же памяти, культурной в частности, позволит сохранить достоинство нации, независимость народа, свободу личности в ситуации глобализации и сверхпрагматизма.

Сегодня в мире, балансирующем между бытием и небытием, актуальность религиозной философии Серебряного века объясняется не только тем, что она предупреждала о гибели культуры, – она видела в эсхатологической перспективе путь очищения, преображения и религиозного освящения культуры, которая должна пройти чистилище-цивилизацию, чтобы воскреснуть в новом качестве.

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: В 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 167.

² Бердяев Н. А. Русская идея. М., 1997. С. 199.

³ Федотов Г. П. Указ. пр. С. 216.

⁴ Бердяев Н. А. Указ. пр. С. 170.

⁵ Там же. С. 168.

⁶ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 187.

⁷ Соловьев Вл. Избранные произведения. М., 1991. С. 113.

⁸ Трубецкой Е. Избранные произведения. Ростов н/Д., 1998. С. 429.

⁹ Бердяев Н. А. Указ. пр. С. 170.

¹⁰ Щербатов С. Художник в ушедшей России. М., 2000. С. 385.

¹¹ Бердяев Н. А. Указ. пр. С. 170.

¹² Федотов Г. П. Указ. пр. С. 203.

¹³ Бердяев Н. А. Воля к жизни и воля к культуре // Смысл истории. М., 1990. С. 162.

¹⁴ Флоренский. Автореферат // Соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 1. С. 39.

¹⁵ Священник Павел Флоренский. Избранные труды по искусству. М., 1996. С. 210.

¹⁶ Федотов Г. П. Указ. пр. С. 225.

¹⁷ Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 46.

¹⁸ Федотов Г. П. Указ. пр. С. 210.

Татьяна Алексеевна Бакуменко – аспирантка кафедры философии и культурологии РИВШ БГУ. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент В.С. Вязовкин.